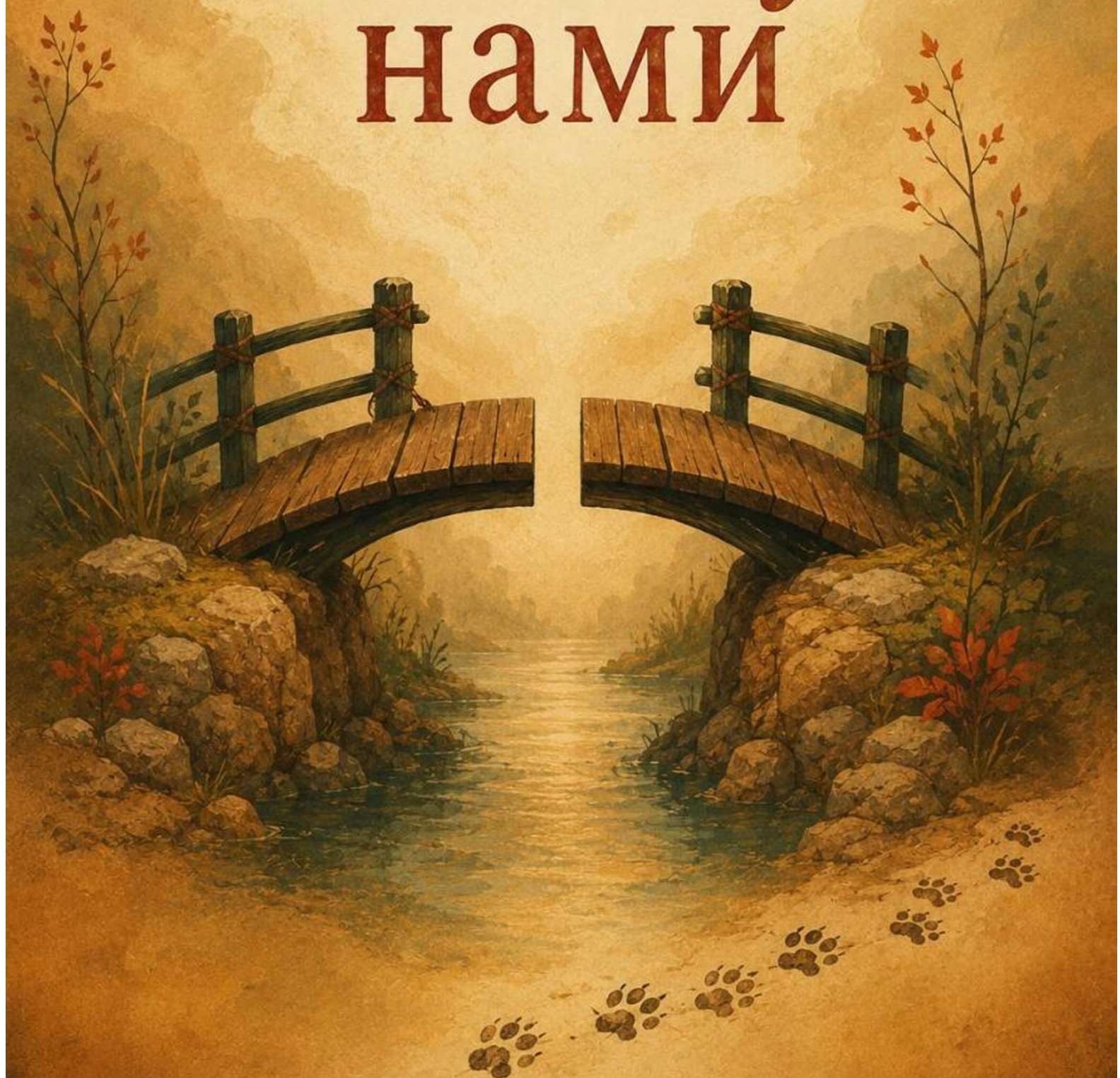

♦ СЛЕДЫ ДО ПРОБУЖДЕНИЯ ♦

Место между нами

♦ Денис Пожидаев ♦

Денис Пожидаев

Место между нами

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

Место между нами / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

Межень начинается не с ворот, а с моста, у которого два края. Здесь живут близко — так близко, что перестают чувствовать, где один человек, а где другой. Мальчику Лиору предстоит понять трудное: любить не значит слиться в одно, а быть рядом — не значит потерять себя. Элиан и его спутники помогают удержать то самое место между людьми, без которого близость превращается в тесноту. Четвёртая повесть — про привязанность и границу, про то, что настоящая близость оставляет каждому его воздух.

© Пожидаев Д., 2026

© Автор, 2026

Денис Пожидаев

Место между нами

СОН, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Цикл «Следы до пробуждения»

МЕСТО МЕЖДУ НАМИ

Повесть четвёртая

Глава 1. Общий путь

Межень начиналась не с ворот, а с моста, у которого было два края.

Точнее, с целой системы мостов: один путь над водой расходился на параллельные настилы, шёл разными досками, разными перилами, чтобы двое могли идти рядом — и всё же каждый по своему краю. Команда вышла к этому узлу утром, и Элиан сразу понял, что не знает здешних правил: тут даже дорога была устроена так, чтоб между идущими оставалось место.

У сломанной скобы работали двое подростков. Девочка чинила одну её половину, мальчик придерживал вторую — руки в лад, без слов, как работают те, кто давно сработался. Они перебрасывались шутками, спорили легко, дополняли друг друга. Это были Лиор и Ивена, и они, как выяснится, дружили с малолетства.

— По остаточному шагу видно, какой мост держит, — объяснил Лиор Элиану, показывая на вмятины в мокром дереве. — Где люди прошли много раз, там доска проверена. Идите по следу — не ошибётесь.

— След показывает, где шли, — поправила Ивена, не поднимая головы от скобы. — А не куда хотели попасть. Это разные вещи, Лиор. Люди часто ходят не туда, куда им надо.

Лиор всё же провёл команду верно — через опасный участок, по проверенным доскам. Он и вправду чувствовал город лучше взрослых. А белый ключ в кармане Карманыча чуть потяжелел — Элиан заметил где: там, где след Лиора и след Ивены на настиле сходились в один, вплотную, без зазора.

Кончив со скобой, Ивена перешла на другой край настила — на свою половину. Лиор не пошёл за ней телом. Но, глядя ей вслед, сказал:

— Ты всё равно пойдёшь через Второй Спуск. Тебе так удобнее.

Ивена выпрямилась.

— Не сокращай дорогу за двоих, — сказала она.

— Я только сказал, где тебе удобнее.

— Удобнее кому? — Ивена смотрела на него. — Тебе удобнее, чтоб я пошла там, где ты меня чувствуешь. Я ещё не решила, где пойду.

И она сняла свою половину скобы — забрала её, разъединила то, что они только что держали вместе. Лиор смотрел не на скобу. Он смотрел на направление, которого она ещё не выбрала, — и уже, кажется, его знал.

Раньше меж тем прошёл мост по третьей линии — не по кратчайшей, а по той, где вправду ступали лапы: след ложился ровно под ним, факт, а не желание.

Средними Дворами их повёл Лиор — и по дороге, сам того не замечая, всё сокращал расстояние.

Двор за двором открывались проходами: между домами тянулись переходы, внутренние сады, гостевые пороги. Почти все двери стояли приоткрытыми.

— У нас близким проще оставить путь открытым, — сказал Лиор с гордостью хозяина, показывающего своё. — Чтоб зайти друг к другу, не спрашивая. Дверь нараспашку — значит, ты свой.

— Проще не значит обязательно, — сказала Ивена. — Вон те двери закрыты. И их хозяйева тоже кому-то свои.

Из бокового двора кого-то окликнули: женщина, встревоженная, просила Лиора почувствовать — вернулся ли уже её брат, дома ли он. Лиор покачал головой.

— Без причины не читаю, — сказал он ей вежливо. — Вы не давали мне права. Захотите — сами скажете, тогда посмотрю.

Элиан отметил это: правило согласия мальчик знал твёрдо. Знал — и почему-то не применял его к Ивене.

Карманч по дороге разглядывал город со своим профессиональным вниманием и бормотал опись: двойные ключи на одной ленте, парные ремни перехода, мостовые знаки «на двоих». А Тильда, оглядывая двор двумя взглядами, сказала вдруг:

— Станный у вас город. У вас даже между двумя людьми стоит мебель. Пороги, скамьи, комнаты ожидания — целая обстановка в пустом месте. Будто промежуток — отдельная комната, в которой живут.

— После обеда я пойду одна в Нижние Мосты, — сказала Ивена — не Лиору, просто вслух.

— Я знаю, — сказал Лиор.

Ивена остановилась.

— Откуда ты знаешь, куда я пойду? Я только что решила. Вслух сказала — сейчас. А ты уже знал.

Лиор открыл рот и не нашёл, чем ответить, кроме правды.

— Твой след, — тихо сказал он. — Он уже появился. Раньше твоих слов.

И Ивена, услышав это, перестала считать его внимательность просто внимательностью. Она сменила тему — но дальше пошла не рядом с ним, а ближе к Тильде.

В боковом дворе пропал ребёнок, и мать металась, повторяя один и тот же путь к воротам.

— Он был тут, я отвернулась, его нет, я туда, к воротам, он же всегда к воротам, я туда бегала уже трижды...

— Не ходите туда снова, — сказал Лиор. Мягко, но твёрдо. — Пожалуйста. Стойте. Сейчас я читаю уже вас, а не его. Ваш след затирает его.

Мать замерла. И Элиан, стоя рядом с Лиором, впервые увидел краем, как тот читает: место, где стоял ребёнок, было лёгкой вмятиной, чуть тёплой; а путь матери — тугой, натянутой линией, гудящей от повторения, куда громче детского.

Лиор отделил одно от другого. Убрал материнскую линию, оставил детскую вмятину. Нашёл два направления и выбрал то, где след не повторялся, — узкий сад за решёткой. Там ребёнок и сидел, целый, увлечённый мелом на камне.

— Спасибо тебе, — сказала мать, прижав сына. — Ты возвращаешь. Ты из тех, кто возвращает.

Лиор принял это. Ему было приятно — Элиан видел.

— Самый сильный след, — тихо сказала Тильда, глядя на мать, — оставляет не тот, кто ушёл.

— А тот, кто ждёт? — спросил Элиан.

— Иногда, — сказал Лиор. — Иногда ожидание громче ухода. Так громко, что уже не слышно самого ушедшего.

Он сказал это про мать с ребёнком — а Элиан почему-то подумал о другом. О себе. О том пустом месте в собственной памяти, где было чьё-то признание, и о том, нельзя ли вот таким даром — по вмятине, по натянутой линии — нащупать человека, которого он не помнит. Мысль была неудобная. Он её отложил, но она осталась.

А Лиор вдруг нахмурился, глядя в сторону.

— Ивена всё-таки пойдёт через Второй Спуск, — сказал он. — Я чувствую. Она решила.

В учебном дворе Нижних Мостов Ивена подавала карту на подпись — и подписать её должен был Оран, мастер размыкаемых соединений.

Оран, немолодой, с руками в масле, первым делом проверял на образце раздельного моста крепления — те, что можно и соединить, и разнять. Он дёргал, защёлкивал, размыкал, показывая: держит крепко — и всё же расходится, если надо.

Ивена выложила свою учебную карту. Но не всю — развернула только верхнюю часть, а нижний сгиб оставила сложенным, закрытым.

Лиор это заметил. И, сам не касаясь бумаги, чуть подался вперёд — попытался почувствовать, куда ведёт закрытый сгиб, какое там направление.

Ивена накрыла карту ладонью.

— Она давала тебе разрешение? — спросил Оран, не грозно, а как спрашивают о правиле. — Смотреть закрытое?

— Я ничего не открывал, — сказал Лиор.

— Ты всё равно посмотрел, — сказала Ивена.

Оран отложил образец и сказал — не Лиору лично, а будто продолжая урок про крепления:

— Соединение без способа разъединить — не крепление. Это захват. Хорошая связь та, что держит и размыкается по воле обоих. А та, что держит и не отпускает, называется иначе.

Лиор вспыхнул — он услышал это как обвинение себе, хоть Оран и говорил про скобы.

А потом Оран сказал то, от чего у мальчика изменилось лицо:

— Карта в порядке. Документы Ивены на отдельное обучение уже поданы. Три месяца. Всё оформлено.

Уже поданы. Ивена решила — и оформила — раньше, чем сказала Лиору. А Лиор, не знавший о заявлении, уже чувствовал её направление: знал, куда она пойдёт, ещё не зная, что она уходит.

Он не устроил скандала. Он просто стоял, и Элиан видел, как в нём это складывается — не в обиду пока, а в глухой, недетский страх.

Глава 2. Первый возврат

Над Нижними Мостами была площадка — сюда поднимались, чтоб поговорить без лишних ушей: ветер тянул в зазорах между досками и уносил слова вбок, никому.

Туда Ивена и позвала Лиора. Элиан держался чуть поодаль — не подслушивать, а потому что Лиор попросил его остаться рядом; при постороннем мальчик спорил тише.

— Три месяца, — сказала Ивена. — Отдельное обучение, на Дальнем берегу. Я уже решила, ты знаешь. Я говорю не чтобы спросить, можно ли. Говорю, чтоб ты знал.

Что-то в лице Лиора дрогнуло на «я уже решила» — будто он эти слова уже слышал однажды, в другой раз, от другого человека, и тот человек не вернулся.

— Каким путём пойдёшь? — спросил он.

— Обычным.

— Через какой мост?

— Лиор.

— Я просто спрашиваю, — сказал он. — Чтоб знать, что дорога проверена. Я же вижу, где держит.

Ивена молчала. И Элиан слышал в её молчании то же, что слышал и Лиор: за «чтоб знать, что дорога проверена» стояло другое — согласуй со мной, куда ты идёшь. Не приказом. Заботой, которая хочет быть в курсе каждого её шага.

— Ты пойдёшь понизу, вдоль воды, — сказал Лиор. — Не поверху. Ты сегодня уже дважды посмотрела туда, вниз, и вставала левее. Ты пойдёшь понизу.

Он не хвастался. Он просто знал — и не мог не сказать. А Ивена этого ему не говорила.

— Перестань меня читать, — сказала она. Тихо, но так, что ветер не смог унести. — Я не давала тебе дороги ко мне. Ты берёшь её сам.

— Я не держу тебя, — сказал Лиор. — Я хочу, чтоб ты вернулась.

— Я могу вернуться только туда, откуда мне позволили уйти, — сказала Ивена. — А ты не отпускаешь. Ты уже стоишь на моей дороге и ждёшь. Как мне вернуться к тому, кто не дал уйти?

Лиор долго молчал. А потом спросил — тихо, по-детски, совсем не как тот уверенный проводник с утреннего моста:

— А если ты не вернёшься?

— Тогда, — сказала Ивена, — это будет не то, что ты можешь решить сейчас.

И они спустились с площадки — но по разным лестницам, каждый по своей. Раньше сошёл первым, по средней: по той, где вправду были ступени, а не по той, куда тянулся взглядом Лиор.

В доме Порог стол накрыли на четверых, а село трое.

Четвёртое место было Сайрино: тот же стул, та же шербатая чашка на крючке чуть в стороне — так в Межени по обычаю держат место ушедшего, пустым и чистым, чтоб было куда вернуться. Только держать его полагалось именно пустым. А Эмра, разливая чай, привычно

потянулась и к четвёртой чашке — сняла с крючка, подержала в руке и повесила обратно. Мелочь. Но Элиан заметил: рука шла к пустому месту сама, будто там кто-то был.

Эмра была мастер порогов — чинила и ставила городские пороги, знала о встречах и проводах больше всех в квартале. И за своим столом она вела дом так же: мягко, тепло и не спрашивая впускала Ивену внутрь семьи, будто та давно уже тут своя.

— Ну а обучение это, — сказала она Ивене, подвигая ей хлеб на двоих, — надолго тебя заберёт? Ты подумала, каково будет Лиору? Ему после всего тяжело, когда близкие уходят надолго.

Разговор, начавшийся про обучение, за минуту стал семейным — будто решала не Ивена про себя, а семья про своё.

— Я подумала о себе, — сказала Ивена. — Решение — про меня. Не про Лиора.

Эмра посмотрела на неё — не зло, а с той тёплой материнской тревогой, которой страшно за сына:

— После Сайры, — сказала она тихо, — он не выдержит ещё одного такого ухода.

Наступила пауза. Лиор молчал. Он не сказал ни слова за весь разговор — но Элиан видел, как он чуть выпрямился, ощутив за спиной мать: за него говорили, его защищали, и ему было тепло, что защищают.

— Я не Сайра, — сказала Ивена. — Я не уйду навсегда. Я иду учиться и вернусь. И я не обязана оставаться, чтоб кто-то что-то выдержал.

Слово «Сайра» легло на стол, как четвёртый прибор. И Лиор — Элиан увидел это ясно — посмотрел не на Ивену, которая говорила, а на пустой стул, который молчал.

У Леды, матери Ивены, дом был другой — и дело не в вещах.

Здесь тоже ждали дочь на три месяца. Но места ей заранее не готовили, стула под чужим приглядом не берегли. Леда сидела прямо, сухая, спокойная, и говорила о деле.

— Мне довольно, чтоб раз в декаду приходило сообщение, что она цела, — сказала она Орану. — Не маршрут. Не куда пошла и с кем. Только — жива, здорова, всё хорошо. Остальное — её.

Оран проверял поданные документы — крепления, сроки, подписи, — и всё было в порядке; ту часть карты, что Ивена держала закрытой, он открыть не потребовал.

Лиор подался вперёд.

— Я могу читать её на расстоянии, — сказал он. — Если что случится, я первый почувствую. Пусть я буду аварийным, на всякий случай. Я не стану смотреть просто так — только если беда.

Он предлагал это как помощь. Он и вправду мог бы. Элиан видел: мальчик не хитрил — он искренне хотел быть той нитью, по которой всегда дотянется до Ивены.

— Нет, — сказала Леда.

Просто нет. Без объяснений, будто их и не требовалось.

— Но я бы почувствовал беду раньше всех, — сказал Лиор.

— Да, — согласилась Леда. — И всё равно нет. Если между ней и домом всегда протянута нить, по которой её видно, — значит, она не ушла. Она на привязи подлиннее, только и всего. Я хочу, чтобы она вернулась. — Леда помолчала. — Но это моё желание. Не её долг. Я не стану держать её нитью, чтоб добрать себе спокойствия.

Ивена не сказала ничего. Но Элиан заметил: впервые за день она села не дальше, а ближе — к матери, которая только что отказалась её держать.

А сам Элиан думал о своём. О том пустом месте в собственной памяти, где кто-то кому-то сказал «это сделала я». И спрашивал себя: смог бы он — будь у него кто-то, кого можно вернуть, — вот так же разжать руку? Сказать: хочу, чтоб ты вернулся, но держать не буду. Он не был уверен, что смог бы.

Вечером Ивена пошла домой — Вторым Спуском, тем самым, что Лиор назвал ей ещё утром.

Она сделала это нарочно. На развилке она не надела общую скобу — ту, которой связывают руки на скользком спуске, чтоб идти в паре. Взяла свою половину, а Лиору не подала. «Я сама», — сказал этот жест яснее всяких слов.

Лиор остался наверху, на переходе. Не пошёл следом. Он умел не идти телом — Элиан уже знал за ним это. Мальчик просто стоял у перил и смотрел вниз, туда, куда уходила Ивена.

Спуск был длинный, с одним крутым поворотом, за которым дорога ныряла к Нижним Мостам и терялась из виду. Ивена дошла до поворота. Шаги её звучали отдельно, сами по себе — вниз, ровно, прочь.

И тут Элиан заметил странное.

Промежуток между Лиором наверху и Ивенной внизу — тот самый, о котором Тильда сказала «отдельная комната», — начал как будто сокращаться. Не мост двинулся, не люди. А расстояние между этими двумя стало короче, чем ему полагалось быть по камню и доскам. И звук её отдельных шагов и звук дыхания Лиора наверху сближались, будто кто-то невидимый сводил два разных ритма в один общий такт.

Белый ключ в кармане Карманыча дрогнул и потяжелел — молча, коротко, как тяжелеет воздух перед близкой грозой.

Ивена прошла поворот и скрылась.

Минута. Другая.

А потом она появилась снова — не внизу, куда шла, а сбоку, с другой стороны перехода. Оттуда, откуда только что смотрел ей вслед Лиор. Вышла и остановилась, растерянная.

— Я... — она оглянулась на дорогу за спиной. — Я, наверное, свернула не туда. Ошиблась поворотом.

И пошла снова. Тем же Спуском, тем же поворотом, внимательно, считая шаги, — Элиан видел: она не ошибалась, шла точно вниз, прочь.

И через минуту опять вышла сбоку. Рядом с Лиором.

Не ошиблась. Дорога сама привела её обратно — к тому, от кого она уходила. Второй раз. Два возврата за вечер, и оба — не по её воле.

Ивена стояла очень тихо. Она была из тех, кто не пугается зря. Но сейчас Элиан увидел, как до неё доходит — медленно, холодно: не она сбилась. Её вернули.

А Лиор — Элиан посмотрел на него и похолодел сам — Лиор не был испуган. То есть в первый миг был, когда она пропала за поворотом. Но едва она вышла обратно, рядом, к нему, по лицу мальчика прошло облегчение. Тёплое, почти счастливое. Она хотела уйти — и вот она снова здесь. С ним.

Он ничего не сделал руками. Ничего не делал нарочно. Но что-то в городе, в самом устройстве этих мостов и промежутков, услышало то, чего он хотел, — и исполнило.

Ивена перевела взгляд с дороги на Лиора. И спросила — тихо, без крика, оттого только страшнее:

— Что ты сделал?

Лиор открыл рот. И не нашёл ответа. Потому что он и правда ничего не делал — и в этом было хуже всего.

Глава 3. Старый след

Всю первую половину ночи они пытались вывести Ивену со Второго Спуска — и не могли.

Оран снял технические скобы — все крепления, какими держат человека на переходе, — чтоб исключить: вдруг дело в металле, вдруг что-то тянет назад механически. Убрал всё до последней петли. Спуск стал голым.

Леда пошла рядом с дочерью — не ведя, не держа за руку, просто плечом к плечу, чтоб та не была одна. Лиор остался на верхней площадке, как и в прошлый раз.

Ивена выбрала другой выход — не поворот, а прямой сход к воде, совсем в стороне. Прошла его весь, до конца, вышла к нижней набережной.

И оказалась снова наверху. У прежней точки. Рядом с Лиором.

Она уже не сказала «ошиблась». Молча развернулась и пошла опять — третий раз за ночь. Элиан видел, чего ей это стоит: шаг делался тяжелее, дыхание короче, будто каждый возврат отнимал у неё силу, как отнимает долгая болезнь. Дорога не била её. Дорога просто не пускала — мягко, неотвратно, как вода не пускает утонуть вверх.

— Это не крепления, — сказал Оран, вертя в руках снятую скобу. — Металл я убрал весь. Держит не вещь. Держит что-то, чего руками не снять.

— Это Схождение, — сказал Лиор. Тихо, испуганно. — Я про него слышал, но... Я этого не делаю. Честное слово, я ничего не делаю. И остановить не могу.

И он, кажется, впервые сам себя испугался.

Тогда Тильда, глядя двумя своими взглядами разом — на Ивену внизу и на Лиора наверху, — сказала:

— Лиор. Отойди. Просто отступи назад, вглубь площадки. На несколько шагов.

Лиор посмотрел непонимающе. Но отступил — раз, другой, третий, вглубь, прочь от перил, так что перестал видеть Ивену.

И в тот же миг Элиан почувствовал, как ослабевают натяжение. Не исчезло — ослабло. Промежуток между ними, весь вечер сжимавшийся, чуть расправился, вздохнул. Ивена, шедшая внизу, прошла свой поворот — и не вышла обратно. Просто прошла дальше. На несколько шагов дальше, чем удавалось за всю ночь.

Лиор шагнул к перилам — взглянуть, вернулась ли, — и натяжение тут же вернулось, и Ивену снова повело назад.

Все, кто был на Спуске, поняли это одновременно и молча. Расстояние до Лиора — не помеха механизму. Расстояние до Лиора и есть механизм. Чем ближе он и чем сильнее смотрит, тем крепче держит дорога; чем дальше отходит и отпускает взглядом — тем свободнее она может уйти.

Хуже всего было то, что понял это и сам Лиор. И Элиан увидел на его лице не только ужас. Мелькнуло — на один стыдный миг — и другое: если так, то стоит мне лишь быть рядом, и она никуда не денется. Мелькнуло и погасло. Но Элиан успел заметить.

К рассвету на переход поднялась Севра — из городской Палаты, та, что держит в Межени порядок. Немолодая, ровная, с той спокойной твёрдостью, с какой говорят люди, привыкшие, что их слушают.

Она оглядела Спуск, выслушала Орана, посмотрела на измотанную Ивену — и решила быстро, как решают, когда боятся, что дело выйдет из-под рук.

— До утра маршрут закрываем, — сказала Севра. — Ивена пока остаётся здесь, в Нижних Мостах, где спокойно. Общий след между ней и Лиором не снимаем — рвать связь резко опаснее, чем оставить. Утром разберёмся на свежую голову.

Всё звучало разумно. Всё звучало как забота. И оттого было почти незаметно, что каждым пунктом Ивену оставляли ровно там, откуда она хотела уйти.

А вокруг уже собрались жители, и по толпе шёл тёплый одобрительный говор. «Это ж какая связь у ребят», — говорила одна женщина. «Дорога сама не даёт разлучиться — это ж любовь, это ж крепость какая», — вторила другая. Из беды делали красивую сказку о сильной связи; из того, что человека не отпускают, — доказательство, что человек кому-то дорог.

— Мой сын ничего дурного не сделал, — вступила Эмра, встав перед Лиором. — Он и не думал никого держать. Он хороший мальчик. Что ж вы на ребёнка.

— Никто не винит мальчика, — сказала Леда. И повернулась к Севре: — Но личный след надо снять. Не общий — личный, тот, которым он тянет её к себе. Пока он тянет, она не уйдёт, сколько ни закрывай маршруты.

— Это называется не «сильная связь», — сказала Ивена. Голос у неё сел от усталости, но слова были твёрдые. — Это называется удержание. Меня держат. И то, что держат ласково и всем двором, не делает это чем-то другим.

Элиан всё это время слушал — Севру, Эмру, Леду, жителей — и ловил себя на том, что хочет ещё, ещё объяснений: чей след, как устроено, отчего возникло. Ему казалось, надо сперва понять.

— Вы все хотите сначала понять, — сказала ему Ивена, будто услышав. — А надо сначала меня выпустить. Сначала я должна выйти. Потом вы будете понимать. Не наоборот.

И Элиан осёкся. Она была права, а он — как весь двор — уже начал откладывать её свободу на «сначала разберёмся».

Севра стояла на своём: до утра — значит, до утра. И Ивена поняла — Элиан увидел это по её лицу, — что город выбрал сторону. Не злую сторону. Заботливую. Ту, что называет удержание безопасностью и оттого держит крепче любого злодея.

Дом Раздельных Путьей стоял на отшибе — туда в Межени приходили те, кому нужно было не помириться, а разъединиться по-честному: развести пути, что спутались.

Встретила их Аста — здешняя хранительница карт, немолодая женщина с сухими точными руками, что весь век раскладывала чужие маршруты и умела не накладывать один на другой.

Первое, что попросила Ивена, — закрытую комнату. Отдельную. Такую, где дверь затворяется и никто не войдёт без стука.

— Дадим, — сказала Аста просто. — И ты вправе не объяснять мне, зачем и почему уходишь. Причину держи при себе, сколько хочешь. Мне довольно знать, что ты хочешь отдельно, — этого хватит, чтоб дать тебе дверь.

Лиор ждал снаружи и надеялся, что Ивена выйдет к нему — поговорить с глазу на глаз. Ивена отказалась. Причины не назвала. Просто: не сейчас и не наедине. И Элиан, хоть ему и хотелось, чтоб они объяснились и он бы узнал больше, промолчал и принял её отказ. Это, кажется, тоже входило в правило.

В комнате Тильда, глядя на Ивену обоими взглядами, помогла ей сказать вслух то, что само не складывалось в одно.

— В тебе сейчас две правды разом, — сказала Тильда. — И обе настоящие. Ты хочешь уйти. По-настоящему хочешь, это не каприз. И ты боишься потерять Лиора, дружбу вашу, — тоже по-настоящему боишься. Тебе кажется, надо выбрать одну. А их две. Можно хотеть уйти и бояться потерять — сразу, вместе.

Ивена молчала. Но по лицу её Элиан видел: ей стало чуть легче — не оттого, что решилось, а оттого, что не заставили выбрать одно из двух и назвать это цельностью.

Комнату дали. Дверь у неё была старая, разбухшая, закрывалась туго — Ивена налегла плечом, и дверь пошла с трудом, со скрипом, но пошла и затворилась. И — странное дело — в этом тугом, честном щелчке не было ничего печального. Наоборот. Закрытая дверь здесь значила не «отвернулась», а «у меня есть своё место». Закрытая дверь — не спина, как говорят в Межени.

А Аста тем временем разложила городские карты — и вдруг остановилась над одной, старой.

— Погодите, — сказала она. — Это я уже видела. Вот эта деформация, эта петля обратно... Она не новая. Такая же была раньше. На семейном пути Порог.

Она подняла глаза на команду.

— Это началось не сегодня.

В архивной комнате Дома Раздельных Путей пахло сухим деревом, старой калькой и тем особым холодком, каким тянет от давних, никем не тронутых бумаг.

Аста достала карту семьи Порог — вычерченную годы назад, ещё когда Сайра, старшая сестра Лиора, жила дома. По карте шли линии путей: кто куда ходил, чьи дороги как ложились.

И на этой старой карте была она — та же петля, тот же обратный сгиб, что держал сейчас Ивену. Только старше. Побледневшая, но та же.

Раньше подошёл к карте и повёл носом по линиям. Была там одна толстая, жирная линия — прямая дорога от места Сайры обратно к дому, самая заметная, будто главная. Пёс не пошёл по ней. Он остановился раньше — там, где две линии находили одна на другую, где путь ухода и путь возврата пересекались и путались. У наложения. И дальше не двинулся, сколько его ни звали: там, за наложением, физического следа для него уже не было. Только у людей.

— Тут две карты в одной, — сказала Тильда, водя пальцем по кальке. — Две несовпадающие версии одного и того же. По одной — Сайра ушла, и дорога тянет её домой. По другой... по другой всё иначе, и я пока не разберу как. Но их две. И нельзя брать ту, что ярче нарисована, за единственную правду только потому, что она ярче.

А Карманыч замер, приложив ладонь к карте, и нахмурился.

— Тут не хватает вещи, — сказал он. — Была какая-то вещь, общая, семейная, — и она потерялась. Не знаю какая. Но её нет, а место её на карте осталось. Пустое.

— Значит, надо понять, что случилось с Сайрой, — сказал Элиан. Ему казалось — вот она, задача: разгадать сестру, что ушла.

— Нет, — мягко поправила Аста. — Сначала нужно понять, чей это след. Кто его оставил. Ты уже решил, что это след Сайры, — а мы этого ещё не знаем. Может, её. А может, и вовсе не её.

И, склонившись над картой с лупой, Аста показала то, от чего у Элиана похолодело внутри.

— Смотрите на даты. Сайра ушла вот тогда. А эта петля, обратная тяга, самая сильная линия назад, — появилась не тогда. Она появилась после. Уже после того, как Сайра ушла. Сначала человек ушёл — а дорога назад выросла потом, следом, без него.

Ушедшей уже не было — а путь, тянущий её обратно, всё крепчал. Значит, тянул не ушедший. Тянул кто-то из оставшихся. Ожидание, как и говорила Тильда, оказалось громче ухода — и оставляло след сильнее самого ушедшего.

Надо было идти в дом Порог, в комнату Сайры, — искать потерянную вещь и начало этой петли. Команда собралась. А когда подошли к дому, Лиор был уже там: стоял у комнаты сестры, у распахнутой настежь двери, которую в этом доме, похоже, никогда и не закрывали, — и ждал их.

Глава 4. Кто держит место

Дверь в комнату Сайры была приоткрыта — и, кажется, стояла так всегда.

Во всём доме Порог двери затворяли по мере надобности, а эту — нет. Её держали приоткрытой, будто хозяйка вышла на минуту и вот-вот вернётся, и закрыть за ней значило бы признать, что она ушла надолго.

Эмра вошла первой — без стука. В свою комнату стучат; в комнату того, кого ждут каждый час, входят как в общую. Мелочь, но Элиан её отметил: в этот покой входили не спрашивая, будто места для чужого «можно?» тут и не было.

Комната была на вид живая и оттого странная. Прибранная, проветренная, ни пылинки. Вещи Сайры лежали не как у уехавшей, а как у той, что здесь ночует: расправленные, тёплые, наготове. На столике стояла её чашка — не сувениром, а в деле: её, видно, наполняли и опустошали, участвовали ею в каком-то домашнем обряде.

— Вот тут она обычно стояла, у окна, — показывал Лиор. — А отсюда поворачивалась к столу, так. Она недавно тут поворачивалась. Я чувствую свежий след.

«Поворачивалась». Не «поворачивалась когда-то», а будто на днях. Элиан слушал — и ловил в себе нехорошее: ему хотелось поверить. Геометрия комнаты была такая плотная, такая живая, что тянуло принять её за близость к самой Сайре — будто чем сильнее чувствуется место, тем ближе человек. Это был соблазн, и Элиан узнал его: тот же, что шептал ему нащупать даром того, кого он сам не помнит.

А Раньше тем временем делал своё — тихо, честно, носом по полу. Он пошёл от стола к окну, тем самым «поворотом», что показывал Лиор. Но след, по которому шёл пёс, был не тот. Раньше вёл не по шагу Сайры. Он вёл по шагу Лиора — по свежим, частым, сегодняшним следам мальчика, который сам ходил тут от стола к окну, поправляя, проветривая, храня. А одно движение, которое Лиор приписал сестре, пёс не повторил вовсе: там следа Сайры просто не было.

Белый ключ у Карманыча потяжелел — здесь, у окна, где стояли и вещи Лиора тоже.

— Он ошибается, твой пёс, — сказал Лиор. Не зло — испуганно. — Это её след. Смотрите, вот так она поворачивалась.

И, чтоб доказать, прошёл движение сам — ещё раз, от стола к окну. Своими ногами. Оставляя ровно тот свежий след, который только что принял за сестрин.

На кухне Эмра рассказывала — тепло, обстоятельно, как рассказывают о том, что держит на плаву: как Сайра уходила и как обещала вернуться.

— Она сказала: «я вернусь», — говорила Эмра. — Прямо так. Я помню.

— И я помню, — подхватил Лиор. — «Я вернусь». Она мне это сказала.

Только когда Элиан стал осторожно расспрашивать — когда именно она это сказала, при чём, в каком разговоре, — оказалось, что точного случая не помнит никто. Фраза была, а вокруг неё туман. Может, Сайра сказала это, уходя навсегда. А может — обещая зайти к ужину, в какой-то давний обычный день. Слова остались, а час их потерялся, и теперь их можно было приложить к чему угодно.

У Карманыча в поклаже был Белый Укор — колокольчик, что молчит на правде и вздрагивает, когда человек говорит против совести.

— Я верю, что она вернётся, — сказала Эмра.

Колокольчик молчал. Ровно, тихо, ни звука.

— Вот! — Лиор аж подался вперёд. — Слышите? Молчит. Значит, правда. Значит, вернётся.

— Нет, — сказал Элиан как мог мягко. — Он молчит не поэтому. Укор не знает будущего. Он не скажет тебе, вернётся Сайра или нет, — этого не знает никто. Он слышит только, честен ли человек сейчас. Твоя мама вправду верит, что Сайра вернётся, — искренне, всем сердцем. Вот об этом он и молчит: что она не притворяется. Но «искренне верит» и «так будет» — не одно и то же. Можно всей душой верить в то, чего не случится.

Лиор замолчал. Ему очень не хотелось это принимать.

— И потом, Лиор ведь сам, — добавила Эмра, погладив сына по голове. — Он сам захотел хранить её место. Никто его не заставлял. Сам вызвался беречь комнату, чашку, ждать. Такой уж он у меня.

И вот тут колокольчик дрогнул. Не звоном — вздрогнул краем, будто хотел зазвонить и не решился, будто в этих словах была часть правды и часть неправды разом. Лиор захотел — да. Но захотел ли сам, по своей воле, или это уже потом ему сказали, что он захотел сам, и он поверил, — того колокольчик не разбирал, а только дрожал над надтреснутым местом.

И Лиор — Элиан увидел — услышал эту дрожь первым. Раньше матери, раньше всех. Услышал, как колокольчик усомнился в его «сам захотел», — и быстро отвёл глаза.

К позднему утру сели за общий стол — обсудить, как вести проверку дальше. Эмра по привычке поставила на стол и чашку Сайры. Четвёртую. На пустое место.

И дальше вышло странное. Когда речь заходила о деле — куда идти, что проверять, — Эмра нет-нет да и спрашивала: «А что бы Сайра выбрала?» Будто дочь сидела тут, четвёртой, и у неё был голос в разговоре.

— Она бы сказала — искать у реки, — отвечал Лиор. Уверенно. За неё. — Сайра всегда так думала.

Он отвечал за сестру легко, не запинаясь, — как отвечают за того, чьё место давно заняли собой, сами того не заметив.

Карманыч всё это время смотрел на чашку — своим цепким взглядом того, кто определяет вещам истинного хозяина.

— Занятная чашка, — сказал он наконец. — Только она уже не Сайрина. Я по вещам вижу хозяина — так вот эта больше не её. Она теперь принадлежит не человеку, а обряду. Не Сайра ею пьёт — ею каждый день доказывают, что Сайра вот-вот придёт. Вещь ушедшего, ставшая работой живых.

— Давайте уберём её, — сказал Элиан. — Не насовсем. На время проверки. Чтоб она не путала следы — ни ваши, ни наши. Просто отставим в сторонку.

И потянулся убрать чашку с пустого места.

Лиор дёрнулся, будто убирали не чашку, а что-то живое.

— Не надо, — сказал он. И Элиан увидел: мальчику вправду стало худо. Не капризно — телесно. — Уберите обратно. Пожалуйста. Когда её нет... комната проваливается. Пол проваливается. Будто без неё всё сейчас обрушится внутрь.

Он не играл. Он держал это место так давно и так изо всех сил, что стоило вынуть одну чашку — и у него уходила земля из-под ног. Не у Сайры. У него.

— Вы что же, — тихо сказала Эмра, и голос у неё задрожал, — хотите сказать, что её нет? Что можно взять и убрать, будто её и не было? Вы мне дочь хороните этой чашкой.

Ей было больно по-настоящему — и Элиан не стал спорить. Нельзя доказывать матери логикой то, что отнимает у неё надежду.

Чашку вернули на место. Эмра поставила её сама, обеими руками, бережно, — и по этому жесту стало ясно: она пока не может отделить память о дочери от ежедневного действия, которым дочь удерживают. Помнить и держать были для неё одним. Разнять их она была не готова.

В полдень вернулись в комнату — проверить белый ключ.

Ключ был странной вещью: он не отпирал дверей, не чертил маршрутов, не показывал видений. Он только тяжелел — сильнее там, где что-то важное, слабее там, где пусто. Больше он не делал ничего, и Элиан, чего скрывать, был этим слегка разочарован: как хотелось бы, чтоб ключ просто взял и открыл всё разом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.